

Талина Куликова

хорошее
настроение
гарантировано

УВОЛИТЬ
секретаршу!

Жизнь
без любви –
все равно что
новогодняя елка
без гирлянды

Романтическая история

Галина Куликова

Уволить секретаршу!

«ЭКСМО»

2014

Куликова Г. М.

Уволить секретаршу! / Г. М. Куликова — «Эксмо»,
2014 — (Романтическая история)

К выбору спутницы жизни Олег Шумаков всегда относился очень серьезно. Он мечтал встретить на своем пути добрую и обаятельную девушку, которая к тому же обладала бы твердым характером. Воплощением мечты показалась ему Даша Азарова, новый маркетолог его фирмы. Даше шеф тоже виделся завидным женихом, и дело уже шло к свадьбе, как вдруг на горизонте появилась секретарша Серафима. Порывистая, как ветер, и веселая, как солнечный зайчик, она была полной противоположностью серьезной и основательной Даше. Ее кипучая и зачастую непредсказуемая деятельность внесла сумятицу в жизнь жениха и невесты и грозила полностью разрушить их планы. Однако Даша вовсе не собиралась сдаваться без боя и просто так отказываться от своего счастья.

© Куликова Г. М., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Галина Куликова

Уволить секретаршу!

© Куликова Г.М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

– Что-то Верочки долго нет, – сказал Глеб Васильевич солнечным голосом. – Пойду погляжу, может, ей помочь надо. А ты сиди, Симочка, сиди. Лакомься.

Глеб Васильевич был пожилым человеком с вытертым временем лицом, на котором уже проступили ржавые крапины. Он поднялся из-за стола и, мелко перебирая ногами, потрусил вон из комнаты.

Оставшись одна, Серафима сосредоточилась на конфетах, которые лежали в глубоких гнездах, круглые, обсыпанные хрустящей крошкой, словно яйца сказочной шоколадной птицы. Тетя Вера сказала, что конфеты привезли аж из самой Австрии. У каждой была своя начинка, и всякий раз, раскусывая сладкий, тающий на губах шар, Серафима ожидала чего-нибудь необычного. Как будто ей было не двадцать четыре года, а всего четыре.

Прикончив пятую по счету конфету, она заглянула в фарфоровый чайник, но увидела на дне лишь густую, похожую на ил, заварку. По ее мнению, туда следовало долить кипяточку. Девушка взяла чайник и двинулась на кухню. Дверь оказалась закрыта, хотя и неплотно. За ней говорили страшным шепотом, который Серафиму как-то сразу насторожил. Именно таким страшным шепотом люди выдают правду, которую хотят скрыть от посторонних ушей. Гостья остановилась и прислушалась.

– Она единственная из всех наших знакомых с удовольствием рассматривает альбомы с фотографиями – шипела тетя Вера. – Рассматривает часами. Это невыносимо!

Серафима сразу поняла, что говорят о ней. Она представила тетку, полную и свежую, с выпуклыми глазами, которые жадно следят за всем, что происходит вокруг.

– Ну, это и понятно, Веруся, – отвечал Глеб Васильевич примирительным тоном. – После смерти Зои мы остались ее единственными родственниками.

– Как же, родственники! Седьмая вода на киселе. Если бы она не явилась с запиской от умирающей, мы бы ее и на порог не пустили. Как нас эта записка напугала... Надо было сразу дать этой дурехе понять, что ей тут не рады.

Кровь бросилась Серафиме в лицо. Она прикусила губу, заставив себя остаться на месте и слушать дальше.

– Верочка, не такая уж она и обуза.

– Да что ты говоришь?! Она является каждые выходные, словно мне больше делать нечего, как угощения на стол метать. А потом сидеть с ней и слушать ее щебет. Не выношу, когда со мной щебечут, будто я клест какой-нибудь!

– Какой же ты клест, Верочка?

– Перестань разговаривать со мной, как с дурой! Вот иди и сам развлекай эту девчонку, раз она тебе так нравится!

– Но она мне совсем не нравится, – все тем же мягким голосом признался Глеб Васильевич. – Я ее едва выношу.

– Да? – нервически переспросила тетя Вера.

– Да, – печально ответил ее муж. – Она все время улыбается, и это меня бесит. Такая отвратительная, ни на чем не основанная жизнерадостность.

За дверью Серафима раздувала ноздри от гнева и даже начала пыхтеть. Да как же они могут?! Она ведь им не чужая!

– Надо ее выгнать. Раз и навсегда положить этому конец. Подумаешь, у нее больше нет родственников! А у нас – есть. У нас есть много замечательных родственников, которые по выходным сидят дома и не ездят сюда для того, чтобы проедать мне мозги рассказами о своей убогой жизни.

Серафима уже шагнула было вперед, намереваясь распахнуть дверь и заявить, что она все слышала, но в последнюю минуту передумала. Господи, зачем? Эти люди оказались такими жалкими, что с ними не стоило даже выяснять отношения. Они не хотят ее видеть?! Ну и пусть. Она тоже не хочет их видеть!

Переполненная гневом, Серафима развернулась и бросилась к выходу. Слова, выскакивавшие из кухни, догоняли и цапали ее, словно уродливые ракообразные. Вероятно, тетя Вера слишком долго сдерживала свою неприязнь. Запертая внутри, облучаемая раздражением, эта неприязнь мутировалась, превратившись в животную ненависть.

– Меня тошнит от этой ее улыбки во весь рот. Кроме зубов, бог ничего не дал, вот потому она только и делает, что улыбается и ест...

Серафима с такой силой вцепилась в чайник, что он мертво хрустнул, оставив в ее руке толстый позолоченный нос. Ну и ладно! Она поставила изуродованный чайник прямо на пол. Нужно побыстрее убираться отсюда. Если она увидит тетю Веру, то уже не сможет сдержаться и наговорит ей гадостей.

Три замка лязгнули один за другим, неохотно выпуская добычу. Вскочив, Серафима навалилась на дверь, толкая ее всем телом, словно изнутри рвались чудовища, и от того, насколько быстро она улизнет, зависела ее жизнь. Дверь захлопнулась с грохотом, прокатившимся по голому подъезду, словно взрыв.

На улице стояла июльская жара, но воздух с асфальтовым привкусом с напором вошел в легкие, развернув их, словно парус. Слезы брызнули из глаз внезапно и бурно, и грудь ритмично задвигалась, догоняя дыхание. Серафима бросилась бежать, не разбирая дороги. «Какие подлые, лживые люди! – словно заведенная, повторяла она про себя. – Да пошли они!» Ноги мелькали, словно ножницы в руках обезумевшего портного...

Однако обида была слишком яркой и горячей, чтобы донести ее до дома. Прямо на ходу девушка достала из сумки записную книжку. На секунду притормозив, нашла страницу с телефонами тети Веры и дяди Глеба и вырвала ее с мясом. Засунула книжку обратно и, оскалившись, разорвала страницу на мелкие клочки, а клочки пустила по ветру. Ветер охотно принял добычу. Серафима бежала, а за ней летел шлейф бумажных обрывков, уносивших в прошлое еще одну ее иллюзию.

Прохожие смотрели на бегущую заплаканную девушку – тощенькую, растрепанную, с размазанной по подбородку губной помадой – и оборачивались ей вслед. Мимолетно сочувствовали и шли дальше, решать собственные важные проблемы.

Когда Серафиме бывало плохо, она первым делом вспоминала о маме. Тот, у кого есть любящая мать, даже не понимает, какая сладкая у него доля. Ворвавшись в свою квартиру, она рухнула на кровать лицом вниз и принялась терзать попавшуюся под руку подушку, словно хотела разорвать так же, как страничку из записной книжки. «Мамочка, как же так?! Почему, почему ты меня бросила одну? – зывала она. – Ты одна меня любила! А больше меня никто не любит!» Причитая и поскуливая, Серафима долго билась на диване, пытаясь вырвать из сердца отравленную стрелу, пущенную тетей Верой и дядей Глебом. Однако наконечник стрелы уходил все глубже и глубже.

Наконец слезы закончились, и девушка рывком села, сдувая с лица влажные волосы. Взгляд ее горел решимостью. Она больше не будет страдать из-за тех людей, которые ее не любили и никогда не полюбят. Одна только мама любила ее! Но мама умерла, когда Серафима была совсем маленькой. Они жили вдвоем в южном городке, в крохотном домике с садом. А потом мама заболела, и жизнь перед глазами девочки завертелась, словно чертово колесо. Ее куда-то везли, почти без вещей, с матерчатой сумкой, похожей на узелок странника, передавали с рук на руки, и в конце концов оставили в Москве у тетки Зои.

Тетка была не родная, а троюродная – то есть почти никто, если у вас есть нормальная семья. А если семьи нет – то все-таки родственница. Уже на тот момент Зоя была вдовой –

властной, холодной и требовательной ко всем, в том числе и к осиротевшим детям. Маленькая Серафима боялась ее так сильно, что целый год ни с кем не разговаривала и почти ничего не ела. В честь этого ее водили по врачам и фаршировали лекарствами.

Серафима поднялась и подошла к комоду, на котором в широкой деревянной рамке стояла фотография тетки – портрет, сделанный в фотостудии. Фотографу удалось передать и теткин упрямый нрав, который проявился на снимке так же четко, как само изображение. Несколько секунд Серафима глядела на портрет исподлобья.

Тетка Зоя ее не любила! Никогда не любила, ни чуточки. После того, что сегодня случилось, Серафиме уже не страшно было сказать себе самой ужасную правду. Кажется, она знала это всегда, но если бы ее резали на кусочки, ни за что бы в этом не призналась. Но теперь... Теперь все изменилось. Можно обманывать себя хоть до второго пришествия. Но кому он нужен, этот обман? Кому она хочет запудрить мозги?!

Серафима уже не выворачивала нижнюю губу наизнанку и не всхлипывала, но все еще продолжала плакать. Слезы горошинами падали из ее глаз. Громко сопя, она взяла фотографию тети Зои и вытащила ее из рамки. Рамку сунула в самый нижний ящик комода, а фотографию вернула на первую страницу пузатого альбома, который стоял в шкафу. Закрыла альбом и поставила его на место. Все, точка. Да, тетя Зоя вырастила ее. Но не более того. Она растила Серафиму так же целеустремленно и безразлично, как скотница растит поросенка, рассчитывая в будущем получить от него пользу. Впрочем, поросят не запирают в наказание в темной ванной и не привязывают к стулу, чтобы они не горбились...

Серафима выдвинула другой ящик комода, с нижним бельем, где хранились, собственно, все ее драгоценности – невесомый золотой крестик на цепочке, пересыпающейся, словно песок, с ладони на ладонь, и клочок розового шифона, который когда-то был маминым выходным платьем. Платье прожгли утюгом и разрезали на лоскуты. Один из них каким-то чудом сохранился. Серафима считала, что он до сих пор пахнет мамой.

Сейчас она достала лоскуток из плоской коробки с надписью: «Зефир в шоколаде» и оттуда же извлекла маленькую бурую фотографию, на которой почти ничего нельзя было разглядеть – так, размытые фигуры, похожие на призраков из какого-нибудь мистического фильма. Но Серафима точно знала, что на снимке – мама, а на руках у мамы – она сама. Еще совсем крошечная, в снежном коконе пеленок.

Для этой фотографии тоже имелась рамка, но до сих пор она просто лежала без дела. Серафиме казалось странным выставлять на комод снимок, на котором почти ничего не видно. Но теперь она словно прозрела. Теперь она точно знала, что снимки ставят не для того, чтобы на них смотрели другие. А для себя.

Поверх фотографии, в уголок, она пристроила лоскут ткани и прижала его стеклом. Теперь на комод будут они с мамой – любящие друг друга, счастливые. Вот так вот.

Как только работа была закончена, условным сигналом позвонили в дверь. Пока Серафима вытирала лицо подвернувшимся под руку платком, звонок прозвенел снова.

– Да иду я, иду! – громко крикнула хозяйка, торопясь в коридор и топая.

Еще раз вытерла лицо и открыла дверь. На пороге стояла Мила Громова – единственная Серафимины подруга.

– О, Мороз – красный нос! – воскликнула она. – Опять свое дурацкое кино смотрела? Если я когда-нибудь заплачу из-за кино, съешьте меня с маслом.

– Ничего я не смотрела, – буркнула Серафима, пропуская Милу в квартиру.

– А я думала, тебя дома нет, – продолжала та, сбрасывая туфли и с трудом засовывая свои крепкие ступни в дистрофичные Серафимины тапочки. – Просто мимо шла, дай, думаю, на всякий случай загляну... Ну, ты чего? Нет, правда, чего случилось-то?

– Я сегодня была у дяди Глеба и тети Веры, – угрюмо поведала Серафима. – И подслушала, как они про меня на кухне шепотом говорили.

– Гадости небось? – догадалась Мила.

– Они меня уж и видеть не могли, – кивнула Серафима. – Оказывается, я им давно поперек горла. Они сказали, что я никчемная и только и делаю, что бессмысленно улыбаюсь. И зачем тогда вкусы кормили? Зачем сюсюкали, будто я им в радость?!

– А ведь я тебе говорила: и чего ты к ним ходишь каждую неделю?

– Они меня звали, – угрюмо откликнулась Серафима.

– Так надо же понимать, когда от чистого сердца зовут, а когда нет, – пристыдила ее Мила. – Какая ты, Сима, все-таки наивная. Мне даже тебя иногда жалко. Хорошо, что я не такая добрая, как ты. В наши дни быть доброй – все равно, что быть глупой. Доброе сердце прожигает дыру в твоём панцире, и через эту дыру тебя можно не только ранить, но и убить.

– Дыра в панцире? – изумилась Серафима. – Ты про людей, как про черепах говоришь. В общем, к дяде Глебу с тетей Верой я больше никогда не пойду.

– Это ты точно решила? – спросила Мила с недоверием.

С недоверием и жалостью. Потому что про Серафимину жизнь она знала все. Ну или почти все. И сейчас ей как дважды два было ясно, что решение принято важное.

– Точно.

– Ты же мне все уши прожужжала, что плохие родственники лучше, чем их отсутствие. Что это твой страховочный трос и все такое...

Сказав это, Мила против воли представила себе тощую Серафиму, висящую над пропастью на веревке и с надеждой глядящую вверх. И подумала, что та преувеличивает, утверждая, будто родственники – это все. Они тоже разные бывают, родственники. Мало ли, в чьих руках окажется другой конец веревки... Может, лучше уж колышками на отвесной скале закрепляться, собственноручно вбитыми крюками? Лично она так и делала, несмотря на наличие родителей и двух старших братьев. Родители, отданные в жертву науке, давно уже были похожи на двух выпотрошенных рыб со стылыми глазами. В братьях тоже не чувствовалось живой крови, их взрослость как-то быстро переросла в солидную унылость – стыдную в наши дни, когда можно есть жизнь большими ломтями. Если ты, конечно, молод и здоров.

– Мила, я приняла решение, – прервала размышления подруги Серафима, заводя ее на кухню. – Я хочу исполнить свою мечту!

– Господи, спаси и помилуй, – словно старуха, пробормотала та. – Что ты там удумала?

На старуху Мила была совсем не похожа – статная, румяная, с темной косой и выразительными глазами, она выглядела свежей и яркой, словно жила не в мегаполисе, а в каком-нибудь благословенном месте, где имеются и лес, и река, и кособор, по которому можно носиться, время от времени падая в синюю от васильков траву.

– Я решила срочно найти какого-нибудь мужчину, влюбиться в него, выйти замуж и нарожать детей! – заявила Серафима. – Это будет моя семья, моя собственная. И я ее буду любить, как сумасшедшая.

– Отличный план, – немедленно разозлилась Мила, задетая словом «срочно». – Очень простой в осуществлении. Чего там – выйти на улицу, выбрать подходящего мужа... Пара пустяков!

Разозлилась она потому, что у нее самой с мужчинами ничего не получалось. Вот не получалось – и все. Хотя ты тресни. Лет с двадцати она была одержима мыслью закрутить роман, но ухажеры отваливались с пугающей быстротой. Вероятно, чувствовали страшную серьезность ее намерений.

– Не стоит иронизировать, – отрезала Серафима, гордо выпрямив спину. – Я тебе о самом сокровенном говорю, а ты...

– Сима, ну как ты с лету найдешь мужчину и влюбишь в себя?! Что ты, в самом деле, как маленькая? Ты же знаешь, как сейчас с этим сложно. Я вот на все свидания хожу как заведенная, и что? Ничего!

– Это потому, что ты ждешь, чтобы в тебя влюбились, – стояла на своем Серафима. – А я сама готова любить без памяти. Две большие разницы.

Рассуждая, она заварила чай, бросив в чайник высушенную мандариновую корку и несколько ягод черной смородины. Выставила на стол чашки, вишневое варенье и сушки с маком.

– Да ведь надо, чтобы оба любили, а не кто-то один, – резонно возразила Мила. – А то получится, как с твоими дядей Глебом и тетей Верой. Ты к ним со всей душой, а они...

– Это не считается, – отвергла возражения подруги Серафима, разрезав воздух рукой. – Да, я верила в родство, в узы крови...

– В зов ДНК, – подхватила Мила, разломив сушку крепкой рукой.

– Но сейчас я говорю о любви между мужчиной и женщиной.

– Ты прямо как граф Калиостро из фильма «Формула любви». Считаешь, что любовь можно рассчитать математически. Что ты вот прямо так, с ходу, составишь уравнение и решишь его.

– Да ладно тебе, Милка! Что ты мне крылья подрезаешь?! Я замуж хочу, у меня такая потребность в любви, что просто ужас! Я как спать ложусь и о любви начинаю думать, меня просто на части разрывает.

– Это называется половое созревание, – философски заметила Мила, облизав ложку. – То есть ты уже окончательно созрела, и тебе пора рухнуть с дуба.

– Ничего подобного! Если бы мне нужен был голый секс, я бы как-нибудь устроилась, – горячо заверила Серафима.

– М-да? Интересно, как?

– ...А мне нужна страсть, единение и невероятная близость, – не обращая внимания на реплики подруги, продолжала она.

– Во-первых, у тебя нет объекта для приложения сил. И поэтому все твои стратегии выеденного яйца не стоят. Тоже мне, профессорша любви.

– Знаешь, я уже все обдумала. Я решила выйти замуж за Сергея Александровича.

– За какого Сергея Алекса... Погорелова? За своего начальника?!

Милка подавилась сушкой и тяжело закашлялась, высунув язык и веером выплевывая маковые зернышки. Дождавшись, пока она отдышится, Серафима азартно продолжила:

– Я в журнале «Женские капризы» нашла одну потрясающую статью. Там все пошагово расписано: что и как делать. Так вот. Статья как раз с этого и начинается. «Если вы не можете найти новую любовь, – процитировала она по памяти, – нужно оглядеться вокруг и выбрать объект из тех мужчин, которые вас окружают». То есть из числа знакомых. Я тебе сейчас журнал покажу.

Серафима бросилась вон из кухни и через минуту вернулась, держа в руках глянец с улыбающейся Джессикой Альбой на обложке. Лицо Джессики было изуродовано многочисленными кругами от чашек. Вероятно, статья прорабатывалась Серафимой долго и подробно. При этом никакого пиетета к голливудской диве подруга явно не испытывала.

– Вот, смотри, – она разложила журнал на столе и ткнула пальцем в найденный разворот. – Видишь, тут все по науке. Статистические данные, результаты опросов, комментарии психологов...

– Сима, но почему ты выбрала именно Погорелова? Он что, тебе давно нравится?

– Не могу сказать, что он мне нравится, – повела Серафима плечом. – Но не могу сказать, что и не нравится. В статье написано, что это неважно.

Мила посмотрела на нее с тревогой:

– Если бы я знала, что ты просто маешься дурью, я бы с удовольствием включилась в процесс. Но у тебя какая-то истерическая целеустремленность.

– Погорелов – лучший кандидат в мужа. Во-первых, ему всего тридцать три, – начала загибать пальцы Серафима. – Во-вторых, у него жена сумасшедшая.

– Откуда ты знаешь?

– Я же слышу, как он с ней по телефону разговаривает. Ну, может, не совсем сумасшедшая, но истеричка. Она ревнует его и постоянно проверяет, чем он занят. От такой жены муж рано или поздно обязательно сбежит. Мужчины любят, когда их ревнуют абстрактно, а вот когда их начинают реально выслеживать...

– Смотрю, ты знаток.

– Мил, но я же с людьми работаю, забыла? В приемной начальника многие переживают пиковые состояния. Либо до, либо после визита. А еще я часто бываю жилеткой, в которую они плачутся.

– Знаешь, я тоже работаю с людьми и при этом не считаю себя таким уж психологом.

Мила шила в ателье костюмы и блузки на заказ и мечтала о собственном деле.

– Мне Погорелова просто очень жалко, – призналась Серафима, понизив голос. – Он такой несчастный... И не понимает этого. Его никто не любит, я вижу. Он неотогретый. Если его полюбить, он станет совершенно другим. Бутоны, если ты когда-нибудь обращала внимание, бывают ужасно уродливыми. Но когда выходит солнце, из них, знаешь ли, получаются недурные цветочки.

– И ты уже придумала, как все обтяпать? – спросила Мила, чувствуя себя приземленной и прагматичной.

– Давай все-таки доверимся профессионалам, – заключила Серафима и хлопнула ладонью по журналу. – Здесь есть несколько моделей поведения.

– Например? – Мила против воли заинтересовалась диаграммами и красивыми иллюстрациями, сопровождавшими текст.

– Например, модель номер один: внезапная смена имиджа. Ты ошарашиваешь объект тем, что неожиданно предстаешь перед ним совсем иным человеком, нежели тот, к которому он привык. Погорелов привык ко мне какой?

– Какой? – машинально повторила Мила, обмакивая очередную сушку в варенье.

– К аккуратной, но невзрачной девушке в сереньком деловом наряде, которая все время улыбается и спешит ему угодить.

– Да, улыбаешься ты просто безостановочно, – согласилась Мила даже с некоторым неодобрением. – Конечно, грех не улыбаться с такими зубами...

– Мил, ну я же не бульдог, какие «такие» зубы? Обыкновенные зубы.

– Не знаю, не знаю. Кажется, будто у тебя их в два раза больше, чем у всех остальных. Ну, ладно, что там дальше? Ты решила сменить имидж?

– Представь себе, если я появлюсь перед Сергеем Александровичем в обтягивающем платье с вырезом... У меня ведь красивая грудь?

– Сима, если ты наденешь обтягивающее платье, максимум, что сделает Погорелов – это пригласит тебя в ресторан, чтобы накормить. Просто из жалости. Все твои мослы и ребра сразу вылезут наружу. Грудь затеряется среди них, как нечего делать.

Серафима дулась всего минуту, после чего пожала плечами:

– Ну, можно надеть просто красивое платье.

– Обязательно длинное, чтобы скрыть коленки, – подсказала Мила.

– Разве ты не моя подруга?! – воскликнула Серафима раздраженно. – Такое впечатление, что ты не только видишь во мне одни недостатки, но и стремишься все их выпятить, чтобы побольше меня уколоть!

– Да я хочу тебя предостеречь, дурочка, – рассердилась Мила. – Если я не скажу, тебе кто-нибудь другой скажет. На всю жизнь моральную травму получишь. Слушай, а какие там еще есть стратегии? Вот же – номер два и три...

Серафима мгновенно переключилась на позитив:

– Мне еще понравилась стратегия номер три. Нужно поймать момент, создать доверительную атмосферу и откровенно сказать объекту о своей любви. Подчеркнув, что это любовь бескорыстная, что ты не ждешь в ответ никаких действий, но будешь любить объект долго и преданно до самой своей смерти.

– Но это же неправда, – оторопела Мила. – Я бы никогда не смогла врать кому-то, что буду любить его до самой смерти.

– Почему – врать? Если мужчина становится по-настоящему твоим, любимым...

– По-настоящему твоим и любимым может стать крем от Диора, если ты заплатишь за него бешеные тыщи в магазине косметики. А мужчина никому не принадлежит – и в этом состоит самая главная подлость мироздания.

– Тебе бы философией заниматься, – буркнула Серафима. – Ну что, как думаешь, какая стратегия мне больше подходит?

– Та, которая не предполагает обтягивающего платья, – честно ответила Мила. – Кроме того, простота и честность – это твой конек. Ты, Сима, такая простодушная, что при одной мысли о том, как ты будешь изображать роковую женщину, у меня начинается чесотка.

– Ладно, в последний раз я тебя послушаю, – сказала Серафима, допивая чай. – Все равно надо будет завтра подвести глаза и волосы в «хвост» не собирать.

– Завтра?! Ты собираешься проделать все это завтра?

Мила скользила глазами по черным лакированным строчкам статьи, которая подбивала одиноких женщин не сидеть сложа руки, а действовать. По ее мнению, там было много чепухи, далекой от реальной жизни. Однако убеждать в этом подругу она все-таки не рискнула.

– Почему бы и нет?

– Ты уверена, что Погорелов – именно тот человек, который может сделать тебя счастливой? Как-то не представляю вас вместе.

Мила видела Погорелова несколько раз, когда заезжала к подруге на работу. По ее мнению, этот тип с Серафимой никак не монтировался. Он был непробиваемым, как бронежилет, и улыбался замороженной кривой улыбкой, от которой его хотелось немедленно избавить. Наверное, поэтому Серафима постоянно таскала ему чай – в надежде, что улыбка отогреется и растает.

– Я не знаю, кто может сделать меня счастливой, – признала Серафима. – Зато я знаю – ЧТО может сделать меня счастливой. Замужество!

– Ладно, – дала добро Мила. – Пусть будет Погорелов. У него хотя бы прописка есть и жилплощадь. Не забывай, что ты сейчас представляешь собой лакомый кусочек для всяких аферистов. Брак с приезжим я не одобряю никогда. Бурный роман, в котором замешана жилплощадь, всегда заканчивается у нотариуса.

* * *

Тетя Зоя была неоригинально убеждена, что любовь выдумали литераторы, то есть люди с неустойчивой психикой. Отношения, предшествующие браку, она называла «половое влечение». Обсуждая это самое влечение, тетка никогда не понижала голос, и в ее прямолинейности чувствовалась брезгливость. Словно сама она была барышней, шествующей в бальных туфлях по доскам, проложенным через грязь. Судя по всему, в жизни ее ни разу не «зацепило».

Серафима не застала теткиного мужа в живых, но видела его на фотографиях – рядом с женой он выглядел лакеем, человеком, готовым прислуживать. Вряд ли к нему можно было испытывать влечение. Зато Серафима была уверена, что его можно было полюбить. Обязательно нашлась бы такая женщина, которая полюбила бы и его безвольный подбородок, и вялые губы... Всякого человека однажды кто-то должен полюбить, иначе зачем вообще все это?

Размышляя о любви, Серафима шла на работу, лавируя между прохожими, которые так и норовили отпихнуть ее с дороги, пользуясь преимуществом роста и веса. Чтобы настроить шефа на правильный лад, она приостановилась возле очереди на маршрутку, достала мобильный и послала ему невинное смс-сообщение: «С добрым утром, Сергей Александрович!» Главное, чтобы Погорелов озадачился – ведь они никогда раньше не переписывались. Теперь он все утро будет думать о ней, Серафиме. И гадать, что бы это значило.

На самом деле эсэмэска произвела эффект разорвавшейся бомбы. Как только она дошла до адресата, мобильный телефон Погорелова громко чирикнул. Телефон лежал на тумбочке возле супружеского ложа, а сам Погорелов в этот момент стоял возле трюмо в классическом утреннем одеянии мужчины – носках, трусах и часах. Услышав сигнал, он нервно дернулся, хотя причин для этого не было. После того как жена изловила его в подмосковной гостинице с коллегой по работе, Погорелов на время затаился. Буря уже почти миновала, и он присматривался к новой бухгалтерше, которая носила декольтированные кофты и маленькие косыночки на шее. Между косыночкой и окантовкой трикотажного изделия всегда оставался зазор, достаточный для того, чтобы пробудить фантазию истинного художника.

Итак, телефон чирикнул, и жена Погорелова Светлана, возлежавшая на подушках в позе кинодивы, немедленно напряглась.

– Кто это тебе с утра пораньше записки шлет? – спросила она ехидно и закинула руку за голову.

Шелковый пеньюар цвета шампанского смотрелся на ней великолепно. Погорелов мог оценить это с точки зрения человека, оплатившего покупку в магазине французского белья. А вот тело, на которое пеньюар был надет, волновало его примерно так же, как потерпевшего кораблекрушение волнует красота океанской волны.

– Наверное, это оператор сотовой связи, – ответил Погорелов, продолжая причесываться.

– Сейчас проверим, – проворковала Светлана грудным голосом и протянула цепкую руку к телефону.

Иногда ночами Погорелов думал о том, что жена может его бросить. Узнает об очередном романчике и выгонит из дому. Он боялся этого. Развод сказался бы на всем – на его карьере, материальном положении. Да и вообще... Изменения были бы обременительны. Он привык к комфортной жизни, привык быть «присмотренным». Он был котом, приваженным к миске. Ему нравилось быть домашним. Причина, по которой Светлана все еще терпела его, оставалась для Погорелова тайной. А такой мотив, как любовь, просто не приходил ему в голову.

– Так, Сергей, – сказала жена ледяным тоном и села на постели. – Что это опять такое?!

Погорелов по инерции похолодел. Зеркало отразило его глаза – панические, как у старого дворецкого, проспавшего гостей.

– Что? – спросил он, делая несколько робких птичьих шагов к кровати.

– Вот это, – Светлана сунула телефон в его миготевшие руки.

Погорелов прочитал сообщение и вздернул брови так высоко, что они улетели под челку.

– Это от моей секретарши, – сказал он озадаченно.

– Да? А у вас с ней принято по утрам приветствовать друг друга по телефону? Еще до начала рабочего дня?

– Да нет, раньше она мне никогда эсэмэски не писала.

Как обычно, истина выглядела... неправдоподобно.

– Ага, – пробормотала Светлана и, подтянув колени к животу, выхватила у мужа из рук сотовый. – Сейчас посмотрим, что у вас за отношения.

«Доброе утро, лапочка!» – набрала она в ответ быстрыми пальцами. Захлопнула крышку телефона и взвесила его на ладони.

В центре города бегущая по улице Серафима, прочитав ответ, порозовела от удовольствия. «Боже мой, как все замечательно!» – подумала она. – Сергей Александрович, оказыва-

ется, совсем не такой замороженный сноб, каким его представляют некоторые». Серафима ужасно волновалась, но цель того стоила. Она оправдывала все средства, какие только можно было изобрести.

«Встретимся на работе. Я приготовлю вкусный чай», – снова написала она, волнуясь. Господи, Погорелов такой... привлекательный. У него красивое лицо, и он умный. И очень деятельный, надо отдать ему должное.

«Целую тебя, девочка моя», – пришел ей ответ.

Он целует ее! Это фантастика. И почему она раньше не догадалась проявить инициативу? До вчерашнего дня она собиралась, как дура, ждать своего принца. Может быть, всю жизнь. Дура и есть. Надо ловить синицу, которая дается в руки, и учиться быть счастливой прямо сейчас. И делать счастливыми других. Это самое главное.

«И я вас целую», – стыдливо краснея, написала Серафима и нажала на кнопку «Отправить».

Получив это сообщение, жена Погорелова стартовала с супружеского ложа со скоростью света. Умылась, оделась и приготовилась к выходу из дома. Последним хорошо рассчитанным движением она застегнула сумочку. Замок хищно щелкнул.

– Ты куда это? – напряженно спросил муж, в сущности, уже догадавшись, что ему ответят.

– Поеду с тобой. Хочу узнать, на какой стадии ваши отношения.

– На нулевой стадии! Свет, не выдумывай, пожалуйста. Ты видела мою секретаршу?

– Видела, но не обратила на нее внимания.

– Потому что на нее невозможно обратить внимание. Она абсолютно никакая. Хотя работает хорошо. И я понятия не имею, почему она сегодня вдруг решила поприветствовать меня письменно.

– Вот я все и узнаю.

– Ну, как хочешь. Выставляй себя душой, мне не жалко!

Толкаясь и поджимая губы, супруги вышли из квартиры и молча спустились в лифте на первый этаж. Так же молча загрузились в автомобиль и всю дорогу обменивались лишь короткими фразами.

– Узнай у охранника, пришла ли твоя секретарша, – потребовала Светлана, когда они вошли в офис, и толкнула мужа локтем в бок.

– Моя секретарша уже пришла? – послушно повторил Погорелов, глядя на охранника в упор.

– Еще нет. Но она никогда не опаздывает, Сергей Александрович, не волнуйтесь.

– Иди вперед, – снова потребовала Светлана, которой не понравилось, что муж замешкался в холле.

Он двинулся к лифту, усмехаясь. Все это удивительно походило на боевик. И он почему-то трусил точно так же, как если бы у жены в кармане лежал нацеленный в его спину пистолет. Они поднялись на второй этаж, прошли по коридору и скрылись в приемной. Затем Погорелов открыл сопротивляющимся ключом свой кабинет и пропустил жену вперед. Она вошла, деловито огляделась и заявила:

– Я спрячусь за занавеской.

Муж пожал плечами, и именно в этот момент в приемной хлопнула дверь и зацокали каблучки.

– Только попробуй подать ей какой-нибудь знак. Тогда я выскочу, и тебе станет очень стыдно, – шепотом пообещала Светлана, скользнула к окну и скрылась за длинными шторами, которые мягко закачались.

Тем временем Серафима, еще с вечера заряженная идеей молниеносного замужества, старалась взять себя в руки. Она придумывала выражение лица, которое должно было сразу

же настроить Погорелова на правильный лад. «Доверительность, – повторяла про себя Серафима. – Полная откровенность. Атакующая искренность».

– Сергей Александрович, доброе утро! – проблеяла она, решившись, наконец, переступить порог кабинета.

Ее предполагаемый муж, будущий отец большого семейства, сидел в своем монументальном кресле и смотрел на нее стеклянными глазами прорицателя, у которого не припасено ничего хорошего для страждущего народа.

И тут что-то зашуршало возле окна, и Погорелов сразу ожил, словно телевизор, который кто-то включил, используя пульт дистанционного управления.

– Здравствуйте, Серафима, – произнес он и с укоризной добавил: – Впрочем, вы сегодня со мной уже поздоровались... Раньше времени.

– Сергей Александрович, миленький! – воззвала к нему Серафима вмиг пересохшими губами.

Она не думала, что это будет так трудно. Упала на стул, стоявший неподалеку от начальника, и принялась сжимать и разжимать пальцы, как нерадивая студентка, вытащившая плохой билет.

– Подождите... Почему это я – миленький? – воскликнул ее босс, делая попытку отодвинуться вместе с креслом подальше.

Кресло зацепилось ножками за ковер и не уступило ни сантиметра.

– Я знаю, знаю, что вы не готовы к такому повороту дела, но я должна высказать, что у меня на сердце, – быстро заговорила Серафима, боясь, что он остановит ее раньше, чем проникнется сочувствием и испытает хоть что-нибудь доброе и позитивное.

– Мы никогда с вами не обсуждали личные дела, – заявил босс, дернувшись.

– Но между нами вполне могут возникнуть отношения, – заявила Серафима. – Хорошие, добрые отношения... Скажите, я вам не противна?

– Серафима, мне противны только капли, которые я принимаю на ночь от бессонницы, – заявил Погорелов. – Вы мне не противны, но я вообще-то женат. Так, к сведению.

– Я в курсе, Сергей Александрович. Но ведь ваша жена вас не любит!

– Неужели? – спросил тот уже более заинтересованно и закинул ногу на ногу со странной лихостью. – С чего это вы взяли?

Из-за занавесок донесся звук, похожий на журавлиный клекот.

– Если бы она вас любила, она обращалась бы с вами иначе. Я иногда против воли слышу кусочки ваших разговоров. И это не любовь, это – жадность. Она считает, что вы ей принадлежите и обязаны подчинить ей всю свою жизнь просто потому, что однажды поставили подпись под брачным свидетельством. Но ведь эту подпись нужно подпитывать!

– Как это – подпитывать? – ошалело спросил Погорелов, который никогда в жизни не вел подобных разговоров. Ни с кем.

Он вообще плохо понимал, к чему ведет Серафима. Он был такой же, как тетка Зоя, и вся его красивая и успешная жизнь состояла из одних влечений, которые, кстати, ничему не предшествовали и ничего не завершали. Однако Серафима со своей фанатичной жадной любви этого не замечала.

– Сергей Александрович, вы мне нравитесь. Я подумала и решила, что готова полюбить вас всей душой. Скажите, как вы относитесь к детям?

– Серафима, вы сумасшедшая, – прозрел Погорелов, неожиданно обрадовавшись, что за шторами прячется жена, которая в случае чего придет ему на помощь. – Вы почти год работаете на меня, следите за бумагами, регулируете поток посетителей, отвечаете на телефонные звонки... А потом в один прекрасный день являетесь с утра пораньше и заявляете, что хотите завести детей. И я должен, как я понимаю, принять в процессе обзаведения детьми самое непосредственное участие. С какой стати, позвольте вас спросить?!

Серафима испугалась. И расстроилась. Она поняла, что, как всегда, поторопилась и все сделала неправильно. Только искренность могла спасти положение. И тогда она, отбросив скованность, которая делала ее жалкой просительницей, принялась взахлеб рассказывать Погорелову о любви, которую непременно должен испытать на себе каждый человек. Вот именно – испытать на себе!

Она рассказала ему о тетке Зое, которая жестоко пресекала потребность маленькой Серафимы обмениваться чувствами – без стеснения, сдержанности и оговорок. И как у тетки Зои ничего не получилось, и как она признала свое поражение, написав перед смертью ту записку для тети Веры и дяди Глеба, словно передавала им Серафиму с рук на руки. И как тетка Зоя переживала, что из Серафимы не получилось ничего путного... Что называется: растила цветок, а вырастила смешной и нелепый побег гороха.

У Погорелова был вид человека, которому хулиганы надели на голову железное ведро и настучали по нему палками. Глаза в разные стороны, и мысли тоже в разные стороны.

Решив, что в вечной мерзлоте обнаружилась, наконец, маленькая проталинка, Серафима вывалила на босса свои планы относительно будущего. Рассказала о том, как сильно она станет любить его и что из всего этого в итоге получится. Непременно получится!

Серафима так распалилась, что в конце концов почувствовала себя оголенным проводом, к которому боязно прикоснуться – так все в ней опасно искрило. Предложив Погорелову немедленно сойтись и образовать пару, она оставила его размышлять над сказанным, а сама выбежала вон из кабинета. За спиной слышались сдавленные всхлипы. Неужели Сергей Александрович расчувствовался до такой степени, что заплакал? Это хороший знак.

Дрожа от возбуждения, Серафима отправилась в туалет и подставила голову под струю ледяной воды. Успокоиться по-другому у нее вряд ли получилось бы. Волосы, которые она утром пыталась уложить феном, превратились в тощие сосульки. Отжав их с помощью бумажных полотенец, жестоко выдернутых из держателя, Серафима отправилась обратно в приемную. По дороге сделала несколько дыхательных упражнений и попрыгала на месте.

За время ее отсутствия в судьбе Погорелова произошли кардинальные изменения.

Жена, прятавшаяся за шторами, не сразу смогла выпростаться из них и целую минуту билась в искусственном бархате. Погорелов встал, чтобы помочь ей, и она, наконец, вывалилась на него – зареванная, с сияющими глазами, похожая на собственную обновленную версию.

– Сережа! – с надрывом сказала она, ухватившись за его галстук, словно за спасательный трос. – Эта девушка открыла мне глаза.

– Но ты же поняла, что у нас с ней ничего не было, – вскинулся Погорелов.

– Неважно, что у вас ничего не было. Главное, я поняла, что у нас с тобой тоже ничего не было. Кроме бытового обустройства, ни-че-го. Господи, чем я занимаюсь?! Целый день я думаю только о том, как уменьшить размер своей задницы и пресечь твои походы налево! Зачем мне это, Сережа?! Я вдруг так захотела жить... Ездить в лес за земляникой, когда она поспевает, летать в Грецию и есть там козий сыр, намазывая его на маленькие кусочки белого хлеба, и толстеть, потому что утром не хочется бегать по парку, как заводной обезьяне... И обнимать кого-нибудь ночью сильно-сильно!

– Я не понял: ты собираешься в отпуск? – с подозрением спросил Погорелов, в большом и умном мозгу которого не помещались земляника и козий сыр. Вернее, они по-прежнему не имели к нему никакого отношения.

– Я собираюсь развестись с тобой. Немедленно! – заявила Светлана, и Погорелов как-то сразу понял, что она не шутит.

– Но у меня ничего не было с секретаршей, – снова заявил он, повысив голос. – Она мне даже не нравится.

– И поэтому мне тебя жаль, – ответила его жена и, похлопав Погорелова по руке, выскользнула за дверь.

С секретаршей мужа, которой удалось вывести ее из состояния душевной комы, она больше так никогда и не встретилась.

Серафима же, мокрая, но полная надежд, выскочила из туалета и, попеременно поднимая вверх то левую, то правую руку, подпрыгивая, устремилась к своему рабочему месту. Босс появился сразу же, как только слышал ее возню в приемной. Она посмотрела на него с надеждой и робко улыбнулась.

– Серафима, вы уволены, – сказал он прямо в ее улыбку.

Улыбка медленно погасла.

– Я не поняла...

– Вы уволены, – отчеканил Погорелов и вышел, хлопнув дверью.

И Серафима осталась одна.

Глава 2

Вероятно, это был тот самый новый тренер, о котором Мишка прожужжал ей все уши. Ребенок мечтал отлить его в бронзе и водрузить на пьедестал, словно памятник. У «памятника» имелись кривые мускулистые ноги и широкое, дочерна загорелое лицо с крупным носом и густыми бровями. Картину довершали мяч, который он прижимал к себе, и длинный свисток на веревочке.

– Это ваш сын? – спросил он недоверчиво и прищурил голубой глаз.

– Нет, младший брат, – спокойно ответила Даша, положив руку Мишке на плечо.

– Просто не верится. Вчера за ним одна сестра приходила, позавчера – другая. Сегодня вот вы пришли. Сколько же у него сестер?

«Воз и маленькая тележка», – хотела ответить Даша, но ничего такого вслух не сказала, а легко пожала плечами:

– Шесть или семь, точно не помню.

– Ладно, шутница, забирайте своего орла, – тренер похлопал Мишку по тощей спине, вероятно, решив для бодрости встряхнуть все его внутренности. – И пусть он больше не опаздывает, иначе я сниму его с соревнований.

– Клянусь больше не опаздывать! – горячо заверил ребенок, а Даша коротко кивнула.

Потом взяла брата за руку и повела к выходу со стадиона. Причем ей все время хотелось обернуться, чтобы проверить, смотрит ли кто-нибудь им вслед.

– Даш, тебе мой тренер понравился? – поинтересовался Мишка, поддевая камушек ногой.

– Понравился, – соврала она без тени раскаяния. Она так привыкла постоянно подстраиваться под малышку, что мелкое вранье уже вошло у нее в привычку.

Вранье безвредное, разумеется. Надо было постоянно держать в голове детскую ранимость, гипертрофированное чувство собственного достоинства и буйный азаровский нрав.

Мишка гнал камень все дальше и дальше – выкатил его за ворота стадиона и теперь старался удержать на тротуаре. Даша невольно обратила внимание на то, что кроссовки братца изношены почти до дыр, и хочешь не хочешь, а скоро придется покупать новые. Озабоченно вздохнула. Мама наверняка расстроится – на обувь в этом месяце денег не откладывали.

– Даш, а ты не хочешь его закадрить? – неожиданно спросил ребенок и посмотрел на нее снизу вверх с искренним интересом.

– Кого? – опешила та. – Тренера твоего? Ну... У него, наверное, своя девушка есть. А зачем тебе надо, чтобы я его кадрила? Рассчитываешь стать его любимчиком?

– Нет, просто ты в последнее время такая занудная, – заявил Мишка. – А если начнешь кадрироваться, сразу повеселеешь.

Даша хмыкнула.

– Занудная? – переспросила она. – Да просто у меня новая работа, очень серьезная и важная. Я немножко нервничаю, потому что попала в незнакомый коллектив. Это все равно как если бы тебя перевели в другую школу, понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул брат. И неожиданно выдал: – А мне кажется, ты такая стала потому, что на тебе твой Толик жениться не хочет.

Даша точно знала, откуда у детей берутся «умные» мысли.

– Это тебе кто сказал? – с подозрением спросила она, усадив Мишку на скамейку под козырьком автобусной остановки.

Камень братец, разумеется, поднял и сунул в карман, предварительно завернув его в конфетный фантик: мама просила его не пачкать штаны.

– Никто не сказал, – ответил Мишка. Голос его прозвучал неубедительно. – А вообще-то все говорят!

– Кто это – все? – рассердилась Даша. – Нюша тоже говорит?

Нюше только что исполнилось пять лет, она была самым младшим ребенком в семье Азаровых.

– Ну... Мама говорит, папа и тетя Лида! И Полинка тоже говорит.

– Хм. И Полинка, значит?

– Она мне сказала, что Толик тебя не любит. Потому что если бы любил, то женился бы еще в прошлом году. Она сказала, что в книжках, если дядька влюбляется в женщину, он с ней сначала целуется, а потом сразу ведет под этот...

– Под венец, – подсказала Даша. – Кстати, в женщин влюбляются мужчины, а не дядьки. А дядьки влюбляются исключительно в теток.

– Даш, ты страдаешь? – с важным видом спросил Мишка, сдвинув белесые брови.

Он был худой, как доска, с хохолком на макушке и с тощей шеей, торчавшей из растянутого ворота футболки.

– Страдаю, – призналась Даша. – Но не из-за Толика, как вы с мамой, папой, тетей Лидой и Полиной решили. Я страдаю из-за того, что у меня ни на что времени нет.

«В том числе на Толика», – про себя подумала она.

– Я могу и сам ходить на секцию! – тотчас вскинулся Мишка.

– Сейчас, разбежался, – буркнула Даша. – Пока паспорт не получишь, будешь ездить со старшими.

Времени действительно катастрофически не хватало. И сил тоже. В семье было семеро детей, и родители привыкли полагаться на Дашу как на самую старшую. Чтобы переделать всю домашнюю работу и помочь малышне, приходилось тратить утро, вечер и часть ночи. А обеденный перерыв? Даша вечно хотела спать, а если высыпалась, то испытывала постоянное лихорадочное возбуждение. Все успеть, ничего не забыть...

И тут еще новая работа. Сказать по правде, Даше выпал счастливый билет – ее приняли на должность ведущего маркетолога в солидную мебельную фирму. Нужно было элементарно хорошо выглядеть. Маникюр, прическа, выглаженная юбка... Наверное, для других женщин все это не представляло большой проблемы. Но если ты живешь в квартире, где толчется куча людей, все становится проблемой. Вещи в шкафах висели плотно, и отглаженный костюм кто-нибудь мог запросто утрамбовать, чтобы втиснуть свое платье или штаны. Маникюр делался в экстремальных условиях, что уж говорить о прическе... Единственное нормальное зеркало находилось в ванной, и кому-нибудь постоянно нужно было туда войти.

Вообще ванная оказалась самым востребованным местом в доме, своего рода убежищем. Ведь только здесь можно было на некоторое время остаться в одиночестве. Даше иногда удавалось немного почитать перед сном, когда Полинка и маленькая Нюша уже спали.

Сегодня в сумке у нее лежал любовный роман, навязанный подружкой. «Когда твоя личная жизнь идет ко дну, – уверяла та, – любовными романами можно попытаться заткнуть пробоины в днище». Роман назывался «Возлюбленная виконта» и обещал читательницам множество переживаний. Аннотация была такой же пышной, как платье нарисованной на обложке дамы. Даша сроду не читала любовных романов, но сейчас ее, что называется, разобрало.

Ровно в полночь она отправилась в ванную комнату, спрятав книжку под пижамную кофточку. Чтение любовного романа казалось ей делом столь же интимным, как примерка нижнего белья. А в этом доме всех интересовало все! Закрыв дверь на щеколду, Даша опустила крышку унитаза, уселась на нее, открыла первую страницу и углубилась в текст.

Она вынырнула на поверхность только тогда, когда почувствовала, что у нее затекла нога. Даша потеряла ее, встала и подошла к зеркалу. Попробовала представить себя той самой девицей, при виде которой у виконта случилось завихрение в мозгах.

...Вечернее платье на тонких бретельках откровенно обрисовывало безупречную грудь незнакомки. Незнакомка была молода и обворожительна. Дерзкий взгляд карих глаз, пышные волосы, спадающие на обнаженные плечи...

Бум! Бум! Бум!

– Чего тебе?

– Дашка, открой, мне нужно в ванную!

– Тебе не нужно, – бросила Даша, не двинувшись с места.

Продолжая смотреться в зеркало, она моргнула, и прекрасная незнакомка уступила место вполне обычной девушке в серо-черной полосатой пижаме. Из-за этой пижамы она была удивительно похожа на соседского кота Тишку. Темные волосы не спадали на плечи нежными волнами, а буйно вились, не желая держаться в причёске. И взгляд был не дерзким, а раздраженным.

Бум! Бум! Бум!

– Дашка,пусти меня! Я хочу в туалет!

– Ты хочешь лишний раз проскочить мимо холодильника, – отрезала Даша.

Взяла в руки баночку крема, купленного на прошлой неделе, и открыла ее. Баночка оказалась практически пустой. Даша заскрипела зубами. Ну что тут будешь делать? Поднять шум? Начать выяснять, кто виноват? Все это займет слишком много времени, переполошит весь дом и в конце концов превратится в очередной воспитательный процесс. А ей безумно надоели воспитательные процессы.

– Да-а-а-а-ша!

– Учти, я пересчитала все глазированные сырки.

Бум! Бум! Бум!

– Если ты сейчас же не отвалишь, я расскажу маме про петарду на уроке математики.

За дверью послышалось сопение.

– А я расскажу папе, что ты говоришь детям «отвалишь»!

Даша подошла к двери и рывком распахнула ее. За дверью обнаружился десятилетний головастик в трусах.

– Немедленно иди спать! – прошипела она. – У тебя вся физиономия в шоколаде.

К своей кровати Даше пришлось пробираться на ощупь – дом спал. В комнате было душно, пахло детской присыпкой и выстиранным бельем.

– Даша! – шепотом позвала ее темнота голосом маленькой Ньюши. – Даша, я вся намочилась...

– Описалась?!

– Нет, я соком намочилась, мне спать холодно.

– Боже мой, Ньюша! Ну что ты за хрюша?

Кое-как приспособившись к темноте, Даша вытащила из-под младшей сестры мокрое белье, а ее саму перенесла на диван. Ньюша была легкой и теплой.

– Лежи здесь и не шуми: Полинку разбудишь. Тогда тебе мало не покажется. И не пей больше ничего!

– А вафли можно есть?

– Только попробуй.

С ворохом мокрого белья в руках Даша снова отправилась в ванную и в коридоре наткнулась на мать, закутанную в огромный халат. Та была бледной и неожиданно напомнила Даше луковицу, выращенную в стакане на подоконнике – белесую и малокровную.

– Ма, что случилось? – спросила Даша, заметив опущенные уголки ее губ.

– Ванька заболел. У него температура высокая. Опять всю ночь караулить... Слушай, в обед отведешь Мишу на тренировку?

– Мам, я не успеваю в обед! Мне приходится все время отпрашиваться. А теперь у меня новая работа, я вообще не могу опаздывать! И еще у меня будет гастрит, потому что я питаюсь одними бутербродами.

Она живо представила себе вчерашний день, когда осталась без обеда и могла рассчитывать лишь на припасенный заранее бутерброд с колбасой. Колбаса лежала в промасленном бумажном пакете в среднем ящике стола и настырно пахла, игнорируя новых Дашиных коллег, то и дело заглядывавших в кабинет. Желудок от голода скрипел так, словно в нем двигались мощные жернова. Улучив момент, Даша выдвигала ящик, наклонялась и там, внизу, жадно откусывала колбасу, стараясь как можно скорее прожевать ее и снова принять вертикальное положение. Насытившись, она почувствовала себя униженной и несчастной.

– Мам, я глотаю еду, как пингвин, потому что мне некогда нормально обедать.

– Не выдумывай, – отмахнулась мама. – Посмотри, какая ты румяная! Кровь с молоком.

– Это лихорадочный румянец.

– Даш, ну хватит. Ты уже, слава богу, взрослая. Не создавай мне проблем, ладно? Отведи Мишу на тренировку и возвращайся пораньше – у Максима в школе концерт. Если ты не придешь, он устроит сольный номер, который запомнится всем и надолго. Ты же у него главный авторитет. Да, и еще, Даш! Может, ты утром сбегаешь за лекарствами? Ванька сопит, как слон, капли нужны и мазь, чтобы ему спину натереть. А папа уезжает рано, у него конференция.

Представив себе завтрашний день, всю эту круговерть и нервотрепку, Даша затряслась от сдерживаемого гнева и обиды на судьбу. Ну почему, почему она должна все это выносить?! Конечно, она любит своих родителей, и младших братьев и сестер тоже любит, но... Но все равно это чудовищно несправедливо! Лет в двенадцать она превратилась в няньку. И ведь никто не спрашивал, хочет ли она этого! А уж в семнадцать, когда у других девочек начались романы, на нее свалилось столько работы по дому, что ни о каких романах и думать не приходилось. Теперь ей двадцать пять. И что изменилось?! Ничего. Стало только хуже. Она молодая, сильная, ответственная. На нее все рассчитывают.

Пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями, Даша проскользнула на кухню. За окном торчал фонарь, сонно таращась на двор. Она прислонилась лбом к оконному стеклу, чувствуя, как оно приятно холодит кожу. Снаружи было пусто и темно. В черном небе огненной точкой пульсировал самолет. Звезды по сравнению с ним казались блеклыми. Самолет наверняка был набит путешественниками, которые собирались повидать мир. Неожиданно для себя Даша сдавленно всхлипнула.

– Если тебе приспичило рыдать, засунь голову под подушку, – немедленно донесся до нее ворчливый юношеский голос.

Судя по всему, это был Петька, спавший на втиснутой между холодильником и столом кушетке.

У Даши перехватило горло. На нее вдруг накатило такое отчаяние, что невозможно стало терпеть. Все, все лезут в ее жизнь! Все знают, когда она выщипывает брови и стирает колготки! Кто-нибудь обязательно подслушивает, если она разговаривает по телефону! И поплакать в этом доме тоже нельзя! Зажав нос, словно ныряльщик, Даша выскользнула из кухни и бросилась в коридор. Сунула ноги в шлепанцы, открыла входную дверь и выбежала на лестничную площадку. Ночной подъезд казался гулким и страшным. Дверь тихо чавкнула, захлопнувшись за ней. По-прежнему зажимая нос, чтобы не разреветься в голос, Даша помчалась вниз по лестнице. Вырвавшись из подъезда в темноту, она птицей слетела по ступенькам и нырнула в щель между тесно припаркованными машинами. Их бока все еще были теплыми и едва уловимо пахли бензином. Даша перепрыгнула через низкую оградку, пробороздила газон и свернула за гаражи.

Здесь было тихо и пусто. В небе висел бледно-желтый месяц, прозрачный, как мармеладная долька. Дорожки, посыпанные щебенкой, казались сахарно-белыми. Задышавшись от отчая-

ния, Даша села на корточки, прислонившись спиной к железным воротам гаража, спрятала лицо в коленях, сделала глубокий вдох и завывала. Она выла самозабвенно, жалея свою пропащую молодость, и не сразу поняла, что ей кто-то вторит: «У-у-у!»

На секунду затихнув, Даша задышала широко раскрытым ртом – нос распух и был капитально заложен. Где-то неподалеку послышался хруст щебня – кто-то приближался к ней. «Да наплевать!» – пронеслось в ее голове. Заливаясь слезами, она подняла голову вверх и снова завывала. Захрустело быстро и мелко, и тут же ей в лицо ткнулось что-то мокрое, волосатое и пахнущее псиной. В один миг шершавый язык обмахнул ее лицо. И тут же прозвучал сердитый мужской окрик:

– Булька, фу! Нельзя! Стоять, пес!

Невидимый Булька басисто тявкнул. Даша его не видела, потому что твердо решила не открывать глаза, и снова уткнулась в колени.

– Ого! – сказал через секунду все тот же хрипловатый голос. – Это, оказывается, все же человек. – Эй, – позвал незнакомец и потрепал Дашу по плечу. – Вы чего тут воете, как шотландская волынка? Может, вам помощь нужна?

Оттого, что с ней заговорили, проявили сочувствие, слезы начали душить Дашу с новой силой.

– Уйдите! Ничего мне не нужно! – прогудела она, закрыв руками голову.

Сползла по двери гаража и шлепнулась на землю.

– Между прочим, уже глубокая ночь, – небрежно заметил незнакомец. – Все младенцы в соседних домах наверняка пробудились от ваших завываний.

Булька снова полез к Даше, пытаясь облизать ее макушку. Он жарко и часто дышал, проявляя живой интерес к найденной за гаражами девушке. Даша продолжала рыдать, но выть перестала. Против воли она прислушивалась к тому, что происходит поблизости. Пес продолжал, поскуливая, крутиться рядом, а его хозяин закурил сигарету: сначала щелкнула зажигалка, а через некоторое время до нее донесся запах табака.

– Вас что, муж бросил? – спросил незнакомец равнодушным тоном.

– У меня нет мужа, – ватным голосом ответила Даша, продолжая прятать лицо в коленях. – И никогда не будет!

– Настоящая катастрофа, – заметил незнакомец. Чрезмерная серьезность его тона дышала иронией. – А с чего вы это взяли? Ну, что мужа не будет? Собираетесь принять постриг?

Даша была до такой степени переполнена эмоциями, что решила не сдерживаться. Впервые за все это время она подняла голову и приоткрыла глаза. Булька сидел прямо перед ней с высунутым языком и молотил хвостом по земле. Он оказался рыжей дворняжкой с острыми ушами. Рядом с Булькой стояли ноги его хозяина. Ничего особенного: спортивные штаны и кроссовки.

– Я-то как раз не против мужа! Мне очень даже пригодился бы муж! – воскликнула Даша, обращаясь к этим самым штанам. Хотя на самом деле говорила она больше сама с собой, чем с ними. – Но завести его я могу только по телефону! Помните, японцы изобрели такую игрушку, тамагочи? Что-то вроде яйца, в котором живет электронный домашний питомец. Нажимаешь на кнопки – и дело в шляпе: покормил, погулял... У меня муж тоже может быть только тамагочи. На другого у меня просто времени не хватит!

И она снова зарыдала.

– Первый раз встречаю женщину, которая не успевает выйти замуж. Вы что, карьеристка? Уверю вас, мебель, которую вы продвигаете на рынке, никогда не заменит вам семью.

– Откуда вы знаете про мебель?! – Даша вскинула голову так резко, что у нее хрустнули позвонки.

Сквозь слезы, повисшие на ресницах, она пыталась разглядеть незнакомца, но свет месяца был слишком тусклым, а ближайший фонарь находился очень далеко.

– Неудивительно, что вы меня не узнали, – насмешливо произнес ее собеседник. – Вы дорыдались до такого состояния, что впору делать холодные примочки. Выглядите так, будто вас пчелы покусали.

– Вы кто? – испуганно спросила Даша, пытаясь подняться на ноги. Она уперлась спиной в ворота гаража и изо всех сил задвигала лопатками.

Незнакомец отшвырнул сигарету, шагнул вперед, взял ее под мышки и рывком поднял на ноги.

– Вообще-то это я подписал заявление о вашем приеме на работу, – сообщил он. – Мы виделись всего один раз, в моем кабинете. Ну, как? Память к вам вернулась?

– Олег Юрьевич? – испуганно спросила Даша.

– Петрович, – ухмыльнулся он. – Шумаков Олег Петрович. Нет, вижу, вы явно не карьеристка.

– Гав! – подтвердил Булька и заскакал на задних лапах, пытаясь передние поставить на девушку. Вероятно, задумал снова лизнуть ее в нос.

– Вы сами пришли за гаражи! – запальчиво сказала Даша, понимая, что ее рейтинг как надежного и выдержанного работника только что упал до нуля. А женский рейтинг ушел в глубокий минус.

– Что значит – сам пришел? Вы так выли, что Булька едва не сорвался с поводка. Вы Дарья, верно? Пойдемте отсюда, а то набегут окрестные автомобилевладельцы: решат, что мы угонщики. Лучше посидим на лавочке.

– Уже поздно, – сказала Даша, радуясь тому, что на улице темно и не видно, как она покраснела: страшно и мучительно. – Завтра на работу.

– Надо же. А мне как-то не показалось, что вы задумали как следует выспаться.

Он был выше почти на голову, хотя Даша не могла пожаловаться на рост.

– Мне надо умыться, и вообще. Представляю, на кого я сейчас похожа, – бормотала она, следуя за своим начальником, который, широко шагая, направился по тропинке к выходу из гаражного лабиринта.

– Вы похожи на ведьму, – бросил он через плечо. Наклонился и пристегнул Бульку к поводку. – Вам нужно успокоиться, прежде чем возвращаться домой. А то напугаете всех, кто у вас там... в квартире. Кстати, кто у вас там? Что не муж, я уже понял.

– У меня там родители и братья с сестрами, – ответила Даша.

Она почувствовала, что если прямо сейчас не расскажет новому боссу всю правду, на карьере можно будет поставить крест. Тот шел, не оборачиваясь, уверенный, что Даша по пятам следует за ним. Булька летел впереди воздушной рысью и натягивал поводок, словно огромная рыба леску.

– Садитесь, – велел Олег Петрович, остановившись возле широкой деревянной скамьи, вкопанной возле густых кустов боярышника.

Кусты росли полукругом, и местечко выглядело укромным. Земля вокруг была утоптана, рядом в траве валялись банки из-под пива и шелуха от семечек: следы бессмысленного веселья, устраиваемого изо дня в день жильцами окрестных домов. Здесь было гораздо светлее, чем за гаражами. Месяц зацепился за верхушку большого дерева и застрял в ветвях. Облака изо всех сил тащили его дальше, вытягиваясь от натуги.

– Не думайте, что я истеричка, – сразу же заговорила Даша, как только они уселись. – Просто все это давно копилось... И накопилось.

Сама она выбрала правый край скамьи, а Шумаков устроился на левом. Булька лег у ног хозяина и положил голову на лапы.

– Что – накопилось? – серьезно спросил Олег Петрович, достав из пачки очередную сигарету.

– Бытовые проблемы. Человек ко всему привыкает, конечно. Но иногда такая тоска берет, прямо хоть волком вой!

– Вы очень хорошо были, – похвалил он, стараясь не улыбаться.

– Дело в том, что у нас дома даже поплакать спокойно нельзя, вот я и убежала, – не обращая внимания на его реплику, продолжала рассказывать Даша. – У меня шестеро братьев и сестер.

– То есть всего вас семь человек? – поразился Шумаков.

– С родителями девять. А квартира трехкомнатная. Она просторная, конечно, ну... Относительно. В маленькой комнате живут мама, папа и Ванька, в угловой – старшие мальчики. Пете девятнадцать, Максиму пятнадцать, а Мише недавно исполнилось восемь. А третья комната у нас девчачья. Там я, Полинка и Нюша. Полинке семнадцать, а Нюша у нас еще совсем маленькая. На кухне кушетка стоит, такое выездное место для сна. Там можно остаться, когда допоздна приходится сидеть – кому реферат написать, кому к контрольной подготовиться. Но это не поощряется. Потому что тот, кто остается на кухне, начинает шарить в холодильнике. Другим завидно, и они не спят, всю ночь ходят, как привидения, – вроде как в туалет или водички попить...

Шумаков молча курил, глядя в ночную темноту.

– Это я не в смысле жалуюсь, а в смысле... чтобы объяснить! – с отчаянием в голосе добавила Даша.

– А что, государство разве многодетным семьям жилплощадь не выделяет? – спросил Шумаков без выражения.

– Да выделяет, выделяет. Нам тоже выделили, но мы ее тут же сдали. Родители у меня все же не Рокфеллеры, знаете ли. А дети все время есть хотят – прямо как гусеницы! Да и вообще на них ужасно много денег уходит, больше, чем вам кажется. Кстати, они ужасно страдают, если у них что-нибудь не так, как у других. И это невыносимо – видеть, что они чувствуют себя ущемленными...

– Вы похожи на многодетную мать, – заметил Шумаков, небрежно выпустив дым. – А на самом деле вы всего лишь сестра.

– Всего лишь! – с горечью повторила Даша. – В этом-то и кроется корень всех бед. Чем старше я становлюсь, тем больше полагаются на меня родители. Иногда мне кажется, что они вообще забыли о том, что я тоже их ребенок! На меня столько дел наваливается... Вот и сегодня – все одно к одному. А у меня работа! Думаете, я не понимаю, какая у меня ответственная должность?

– Думаю, понимаете, – все тем же равнодушным тоном ответил Шумаков.

Казалось, он нисколько Даше не сочувствует. Хотя она изо всех сил старалась в нем это сочувствие разбудить. Ей хотелось, чтобы он понял, почему она выскочила на улицу и спряталась от всего света за гаражами.

– Завтра какой-то особенно суматошный день намечается. И Ванька заболел, и Мишу на тренировку вести некому, и у Максима концерт в школе. И если я не приду, он обидится. А в его возрасте обиды такие ужасные... Иногда на всю жизнь.

Шумаков неожиданно развернулся к Даше всем корпусом и посмотрел прямо на нее. Она не знала, какого цвета у него глаза. Видела только их блеск. И в этом блеске чувствовалась злость – жесткая, мужская, безжалостная.

– Слушайте, зачем вы это делаете, а? – бросил он.

– Что? – испуганно спросила Даша.

– Зачем вы живете жизнью своих родителей? Это ведь они решили стать многодетными, а не вы.

В тот первый раз, когда она увидела начальника, войдя в его кабинет, она сразу почувствовала в нем эту резкость и недружелюбие. Он поздоровался с ней коротко, крепко пожал руку, сказал несколько общих фраз и немедленно выставил. Он поверил кадровику, который считал, что Даша им подходит. Сама она его мало интересовала. С чего она взяла, что сейчас ей удастся разбудить в нем сочувствие?

Шумаков тем временем продолжал добивать ее вопросами:

– Почему вы согласились выполнять чужие обязательства? Взять на себя чужую ответственность? Это же глупо. Это так глупо, что даже обескураживает. Вы росли в хорошей, дружной семье, помогали младшим. Но теперь вы выросли и должны начать собственную жизнь.

– Да как же я могу начать, когда они без меня не справляются? – в голосе Даши прозвучало не только отчаяние, но и возмущение тоже.

Она же ему все объяснила, а он... Он обвиняет ее!

– Вы наверняка думаете, что я бесчувственный тип, – Шумаков словно подслушал ее мысли. – Но ведь у того, кто решил вытащить из вашей пятки занозу, не обязательно должны дрожать руки. Чем холоднее голова у советчика, тем лучше. Вам просто повезло, что именно мой пес нашел вас за гаражами. Потому что я бизнесмен и способен дать вам разумный совет.

Булька встрепенулся и посмотрел на хозяина, пророкотав что-то по-своему. Вероятно, знал, что слова «мой пес» имеют к нему прямое отношение. И тут же вскочил, завертелся, требуя отпустить его с поводка.

– И я дам вам совет.

– Да? – неопределенно спросила Даша. Она вовсе не была в этом уверена.

– Да, – твердо ответил Шумаков и отпустил собаку на волю. – Как честный человек я просто обязан наставить вас на путь истинный.

– И что это за совет? – в голосе Даши по-прежнему звучала обида.

– Вам пора бежать с каторги. Ваша жизнь проходит не так, как вы мечтали. И этому нет никаких оправданий.

– Вы наверняка были единственным ребенком в семье, – выпалила Даша.

Это должно было сразу поставить его на место. Что он вообще понимает в жизни?! Наверняка катался как сыр в масле! Мамки, няньки или любимая бабушка. А вот у них ни одной бабушки и ни одного дедушки. Потому что родители детдомовские. Понятно, что они решили завести большую семью. И сделать так, чтобы все дети были счастливы! Раньше Дашу такие мысли трогали до слез.

– Нет, я был не единственным. У меня есть старшая сестра. Если честно, она меня не очень-то баловала.

– Не думаю, что это разрушило ваше детство.

– Вы сейчас пытаетесь перевести стрелки, – насмешливо заметил ее собеседник. – Вам страшно не хочется признавать, что вы сами виноваты в том, что живете, как служанка.

– Служанки служат! – бросила Даша. – А я люблю своих братьев и сестер! Чувствуете разницу?

– Мне кажется, вы сейчас лопнете, – с подозрением заметил Шумаков. – Как Сеньор Помидор. Или кто там еще лопался в сказках? И зернышки разлетятся по всему двору.

– Какие такие зернышки?! – возмутилась Даша. Ее действительно раздражало от гнева.

Ну и пусть он ее начальник. Пусть она навсегда потеряет его уважение. Она должна все ему высказать... Однако он не дал ей такой возможности.

– Слушайте, вы говорили родителям о своих чувствах? И вот эту фразу про мужа, помните? – Он передразнил ее, скопировав даже интонации: – «У меня нет мужа! И никогда не будет!» Говорили?

Даша посмотрела на него удивленно:

– Но как я им скажу?!

– Значит, не говорили. – Шумаков затянулся и выпустил дым вверх, задрав голову. – То есть вы, безусловно, много сделали для того, чтобы жить по-человечески.

– Я им другое говорила, – Даша сцепила руки на коленях и принялась перечислять: – Я говорила, что устаю, что у меня ни на что не остается времени, что я не успеваю справляться со своими собственными делами, не успеваю отдыхать. Вернее, я отдыхаю, но...

– Вы отдыхаете все вместе, – подсказал Шумаков. – Семей.

Он оказался на удивление проникательным, хотя и не слишком добрым.

– Да что же я могу сделать, Олег Петрович?

– Нет уж, на этот вопрос я вам отвечать не стану. И строить планы вместо вас тоже.

– Чтобы жить своей жизнью, нужно уйти из семьи, – задумчиво сказала Даша. – Но ведь если я брошу всех своих... Это будет предательством!

– У меня на фирме есть система поощрений и бонусов. Тринадцатая зарплата тоже есть. Оплачиваемый отпуск, отгулы... Не понимаю, почему вы должны бросать семью. Будете помогать своим материально. По мере сил. Слушайте, у вас какое-то извращенное понятие о чести. Вы уже взрослая женщина. Молодая и симпатичная. Почему вы до сих пор не осознали свою личностную ценность? Это просто дикость какая-то. Добровольное рабство... Первый раз с таким сталкиваюсь.

Неожиданно для Даши он поднялся на ноги и коротко свистнул. Булька немедленно выломился из кустов, радостно повизгивая.

– Пойдемте, я отведу вас домой. Совет я вам дал, плакать вы перестали, смотреть на вас больше не страшно.

Даша растерялась. Только что они сидели и разговаривали, и вдруг – домой.

– Хорошо, – сказала она, не сумев скрыть разочарования.

– У меня завтра утром важные переговоры. Мне необходимо выспаться. – Это был словно намек на то, что если бы не переговоры, он бы сидел здесь с ней до самого утра. – Кстати, симпатичная пижамка.

Только сейчас Даша поняла, как выглядит со стороны. Застиранный пижама с укороченными штанами и разномастными пуговицами, жуткие шлепанцы и стоящие дыбом волосы. Срочно, просто немедленно бежать отсюда!

– До свидания, – дрожащим голосом сказала бедолага, приложив руку к груди. – Всего вам самого доброго.

– Вы со мной прощаетесь, как с иностранной делегацией, – усмехнулся тот.

Но Даша его уже не слышала, потому что мчалась к подъезду так, что ветер свистел в ушах. Пес рванул было за ней, но тихий окрик хозяина заставил его вернуться.

– Вот, Булька, видишь, – сказал Олег Шумаков, когда хлопнула дверь подъезда. – Не зря ты рвался на улицу в такое время. Спас целую девушку. Получишь за это косточку.

Даша не шла у него из головы. Он уже поднялся в квартиру, вытер Булке лапы влажной тряпкой, уже улегся в постель, закинув руки за голову – именно в этой позе он всегда засыпал быстро и сладко. Однако сон никак к нему не шел. Олег пытался вспомнить, какое впечатление произвела на него Даша Азарова, когда он увидел ее впервые.

Тогда она была собрана, деловита, внимательна и ужасно серьезна. Ни разу не улыбнулась, не стрельнула глазками, как это делали многие служащие, встречаясь с молодым начальником. Он даже удивился. И не предложил ей присесть. Не велел секретарше принести чаю. Ах, да, его секретарша тогда уже уволилась... Точно! Он еще подумал, не заварить ли чай собственноручно, но решил, что это будет уж слишком. И не стал. Отпустил ее с миром. И вот как оно все повернулось.

Да, кстати, когда вот эта самая Даша Азарова вошла в его кабинет, он сразу обратил внимание на ее фигуру. Юбка была скромной длины, зато туго обтягивала бедра. А из буйных, как теперь выяснилось, волос, она ухитрилась сделать какую-то скромную прическу, из кото-

рой выбился один дикий локон. Эта смесь скромной деловитости и женственности его сразу зацепила. Он несколько раз вспоминал о новой сотруднице и даже хотел вызвать ее еще раз, но решил, что они скоро встретятся на совещании, и тогда будет возможность приглядеться к ней получше.

Минут через двадцать художественного вращения на кровати Олег понял, что ему никак не уснуть. Отправился в ванную, плеснул себе в лицо холодной водой и посмотрел в зеркало.

– Что, опять начал? – спросил он у своего отражения. – Раздавать рекомендации, вмешиваться в жизнь других людей? Тебе что, мало? Наступаешь на те же самые грабли?

Однажды он уже вмешался в жизнь собственной сестры и дал ей «умный» совет. С тех пор она его ненавидит, потому что все закончилось плачевно. Олег дал себе слово больше никогда в чужую жизнь не лезть. Но сегодня, наставив Дашу Азарову на путь истинный, раскаивания почему-то не испытывал. Наоборот, чувствовал удовлетворение. Налив себе чашку чая, Олег сел в кресло и возложил ноги на журнальный столик. Булька тотчас прибежал и стал выпрашивать кусочек печенья. Выпросил, не разжевывая, проглотил и улегся рядом.

Олег продолжал размышлять, почему ему так хорошо. Вероятно, приятное чувство возникло оттого, что подспудно он понимал – одним советом дело не ограничится. У него есть все шансы помочь симпатичной девушке. Если она решит уйти от родителей, он предложит ей на первых порах пожить в той квартире, которую фирма снимает для командированных сотрудников. И еще он может под предлогом срочной работы вырвать ее на выходные из лап семьи и покатасть на машине. Отвезти в ресторан и вкусно накормить – не домашней едой, к которой она наверняка привыкла, а чем-нибудь эдаким, гурманским. Кроликом по-анжуйски, например. Или карпаччо из лосося с мятным песто. Или вот еще филе форели, запеченным в миндале... Женщины любят заказывать рыбу и пить белое вино, в такие моменты им кажется, что они на высоте.

Олег решил, что завтра после переговоров обязательно поинтересуется новой маркетинговой стратегией. Для чего заглянет в кабинет Дарьи Азаровой.

Глава 3

Серафима вышла на улицу и побрела по истекающему жарой тротуару, заплетая ногу за ногу. Она была раздавлена. Погорелов убил ее надежду на молниеносное счастье. Свернул этой надежде шею, как канарейке. И еще посеял в Серафиминой душе сомнения относительно собственной привлекательности.

Вдруг она вообще не нравится мужчинам? Да нет, не может быть. С чего бы ей им не нравиться-то? Серафима притормозила и поймала свое отражение в большой витрине, где были выставлены разодетые в пух и прах манекены. Ну, да, не Линда Евангелиста, конечно: ростом два вершка, ноги не особо удались... Зато голова правильной формы! Парикмахерша сказала, что ей можно сделать очень короткую стрижку, и получится красиво. От стрижки Серафима отказалась наотрез, а формой головы втайне стала гордиться.

Налюбовавшись собой вдоволь, она вытащила из сумочки телефон и позвонила Миле.

– У меня облом, – сообщила она, чтобы сразу закрыть тему и не мучиться. – Погорелов меня отшил.

– Высмеял? – с тревогой спросила Мила, втайне ожидавшая чего-то подобного.

– Нет, уволил. Я теперь безработная. Мне даже трудовую книжку на руки выдали и конвертик с деньгами. Думаю, Погорелов их сам туда положил, чтобы уж поскорее от меня избавиться. Не поскупился, хотя на него это совсем не похоже.

– А как вообще все прошло? – с тревожным любопытством спросила подруга.

– Ну... Я пришла, ввалилась в кабинет и сразу же толкнула речь. Он обалдел, конечно, но меня выслушал. Некоторое время размышлял в гордом одиночестве, а потом вышел и сказал, что я уволена.

– Вероятно, твоя речь произвела на него сильное впечатление, – пробормотала подруга. – И что ты теперь будешь делать?

– Искать буду.

– Кого?

– Не «кого», а работу. Тоже та еще задачка. Знаешь, сколько в Москве делопроизводителей? Больше, чем блох в собачьем приюте.

– Обратись в агентство. Конечно, придется потом платить, если тебе место найдут, зато шансов больше.

– Обращусь, только не сегодня, – пообещала Серафима. – Сегодня у меня настроение не то. Я решила еще раз испытать судьбу. Думаешь, у меня один только Погорелов в списке? Так вот, ты ошибаешься. У меня есть еще парочка кандидатов в мужья.

– Боюсь даже спрашивать, кто это, – искренне призналась Мила. – Дай угадаю... Хм. Наверное, один – это тот тип, с которым ты вместе училась на курсах секретарей. Он там был единственный мужчина. Так что все логично.

– Угадала.

– А кто второй, я даже представить себе не могу.

– Второй – водитель, про которого я тебе рассказывала. Володя.

– Да, ты упоминала про водителя Володю. Только не говорила, какая у него машина и где ты с ним познакомилась.

– У него мусоровоз. И познакомилась я с ним во дворе, возле помойки.

– Фу.

– Что значит – фу?! В любви не бывает никаких «фу». – Серафима мгновенно завелась.

– Ну все, поехала учить меня жизни! – вздохнула Мила. – Не женщина, а пламенный трибун. Ладно, Сима, ко мне клиенты пришли, чао! Я тебе вечером позвоню.

Серафима раздраженно посмотрела на телефон, выдавший серию коротких гудков. Ей стало обидно, что подруга так спокойно отнеслась к случившемуся. Но что поделаешь! Одни только грезят о любви, подперев щеку кулачком, а другим приходится разведывать месторождения и прокладывать дороги.

Шествуя мимо киоска с мороженым, Серафима неожиданно узрела гигантский пломбир в вафельном рожке, политый шоколадом и посыпанный орехами. Все скверные мысли мгновенно вылетели у нее из головы. Она купила этот пломбир, донесла его до бульвара и там, на лавочке, с удовольствием слопала, облив матерчатые туфли и посадив на грудь красивое шоколадное пятно. Несмотря на понесенный урон, настроение ее поползло вверх.

На соседней скамейке сидели, покуривая и балагурия, два молодых человека вполне приемлемой наружности. На Серафиму они посмотрели с любопытством всего лишь один раз – когда пломбир потек и она громко сказала вслух нехорошее слово. «Вот интересно, почему я их совсем не интересую?» – подумала Серафима. И тут мимо нее прошла кривоногая девица в коротком эластичном платье, которое облегалo ее, как резиновый костюм водолаза. Молодые люди мгновенно сделали стойку и по очереди присвистнули девице вслед.

«Ага, – сказала сама себе Серафима. – Я все поняла. Стратегия номер один!» Раскрыв сумочку, она достала конверт, который швырнул на ее стол Погорелов, и с ловкостью профессионального шулера проверила пачку. На молниеносное преображение должно было хватить.

Серафима не считала себя искушенной в вопросах моды и стиля, но решила, что ей достанет сообразловки выбрать приличный салон красоты и магазин, где ее достойно оденут и обуют. Сначала она решила сделать стрижку. Поэтому покинула бульвар и двинулась вниз по улице, разглядывая вывески и витрины. Первым ей на глаза попался салон под названием «Царица Тамара».

«Тамарой наверняка зовут саму владелицу. И у нее мания величия. Нет, не пойду», – подумала Серафима и прибавила шаг. Следующей была «Студия Сергея Микулова!!!». Именно так – с тремя восклицательными знаками.

– О чем только думает этот тип? – пробормотала Серафима. – Обожать нужно клиентов, а не самого себя.

Помахивая сумочкой, она преодолела еще полкилометра. Ей встретились салон красоты «Красота», парикмахерская «Парикмахер» и студия дизайна бровей «Рыжий кот». Кот был нарисован на вывеске, и у него действительно имелись брови – выразительные и черные, как у Хулио Иглесиаса.

Серафима никуда не торопилась. Уволили ее ни свет ни заря, целый прекрасный день ждал впереди. Съеденный шарик пломбира размером с пушечное ядро приятно наполнял желудок. Наконец она заметила указатель, призывающий свернуть в подворотню. Там, в подворотне, если верить рекламе, находилось то, что ей было нужно. Называлось оно просто и незамысловато: «Расческа и ножницы». Внизу задорный русский характер мелко приписал: «Здесь можно принять постриг».

Серафима вошла и была моментально усажена в кресло и обернута белоснежной простынькой на «липучке». Вокруг нее завертелся тощий юноша с лисьими глазами, который появлялся то у левого, то у правого уха с одним и тем же вопросом:

– Что вам хотелось бы?

– Мне хотелось бы стать выше и добрее, – сердито ответила она, поймав отражение юноши в большом, как пруд, зеркале. – Перестаньте вращаться и скажите, что вы мне можете посоветовать.

– Как вы сами представляете себе ваш новый образ? – не сдавался тип, продолжая выделять фигуры высшего пилотажа.

– У меня красивая форма головы, – важно заявила Серафима, с трудом дотянувшись ступнями до специальной перекладины для ног. – Давайте будем исходить из этого.

Юноша согласился исходить и еще немного побегал вокруг нее, склоняя голову то к правому плечу, то к левому. Судя по всему, он был местной достопримечательностью, потому что другие мастера то и дело поглядывали на него с ленивым любопытством. Сами они ходили вокруг своих клиентов в спокойном темпе, не проявляя особого рвения.

С Серафимиными волосами юноша разделался довольно быстро, обкромсав их по самое не могу и оставив лишь длинную челку, спадавшую на глупо моргающий левый глаз.

Серафима была очарована и дала юноше на чай сто рублей. Затем, подначиваемая похожей на цыганку администраторшей, она согласилась на массаж лица, а в заключение «банкета» решила нарастить ногти. Процедура наращивания длилась два с половиной часа и обошлась Серафиме в кругленькую сумму. Впрочем, сегодня она решила не скупиться. И покинула салон в прекрасном настроении.

Потряхивая челкой и с непривычки растопырив пальцы с идеальными ногтями, она двинулась дальше и довольно скоро очутилась в магазине «Белла Делла», где купила себе красно-белые туфли на шпильке и дизайнерское платье до колена с провокационным вырезом. Сразу все это надела и, очутившись на улице, еще раз посмотрела на свое отражение в ближайшей витрине.

Отражение ни капли не было похоже на прежнюю Серафиму. «Да, возможно, в стратегии номер один все-таки что-то есть. Недаром она мне сразу так приглянулась», – подумала экспериментаторша и отправилась в кафе перекусить. Именно там, в этом самом кафе и произошла историческая встреча Серафимы с Андреем Куракиным.

Надо сказать, что Куракина Серафима узнала не сразу. Во-первых, она его давно не видела. А во-вторых, благодаря новым туфлям мир опустился на целых двенадцать сантиметров и казался уже не таким, как прежде.

Когда-то Куракин был ее соседом по лестничной площадке. Когда он вырос, то покинул отчий дом, и Серафима потеряла его из виду. Зато она продолжала общаться с матерью Андрея, Антониной Васильевной, нередко помогала ей втащить на третий этаж сумки с продуктами и ругалась вместо нее с сантехниками, сборщиками мебели и участковым врачом, который ненавидел людей, особенно больных пенсионеров.

В кафе Куракин пришел не один, а с большой компанией. И мужчины, и женщины были дорого и небрежно одеты, обращались к официантам с усталым дружелюбием и разговаривали о профессиональных делах, что было ясно по доносящимся до Серафимы отдельным фразам. Судя по всему, все эти красивые и успешные люди работали на телевидении.

За чашкой кофе Серафима разглядывала соседей и в одном из них неожиданно узнала Куракина. И сразу же припомнила все, что говорила про сына Антонина Васильевна. Ее рассказы Серафима обычно воспринимала как занимательные радиопередачи, потому что жизнь Андрея была слишком далека от ее собственной. С детства Куракин занимался биатлоном и считался подающим надежды юниором. Тренер уверял, что он балбес, но талантливый. Большую часть года Куракин не учился, а проводил в многочисленных спортивных лагерях и на тренировочных базах. Долго сказка сказывается, но потом попал он в сборную страны. Однако по-прежнему оставался балбесом, вел себя недостойно, принимал недозволенные препараты, нарушал дисциплину и вообще катился по наклонной плоскости. Его бы наверняка выперли из команды, но он ухитрился чудом выиграть какой-то большой чемпионат, заработал много денег и закрутил роман с известной телеведущей Настей Заречных.

А потом он получил травму, которая навсегда закрыла для него тему спорта. Настя Заречных бросила его ради известного шведского певца, бороздившего с концертами просторы нашей родины, но Куракин успел стать своим в телевизионной тусовке, зацепился на дециметровом канале и, судя по всему, преуспел.

Был он по-прежнему подтянутым и крепким, как во времена отрочества, но все острые углы стесал и приобрел капельку шарма. Серафиме захотелось с ним поздороваться, но она

постеснялась. Однако судьба, как выяснилось позже, охотилась за ней с самого утра и распорядилась по-своему. Блондин в больших очках из окружения Куракина обратил на Серафиму внимание и принялся с ней заигрывать.

В конце концов на нее стали поглядывать все сидящие за соседним столиком, в том числе и Куракин, который ее наконец-то узнал.

– Серафима! – воскликнул он сливочным басом и хлопнул себя ладонью по колену. – Ну надо же, какая встреча! Сто лет тебя не видел!

«Маму надо чаще навещать», – подумала про себя та и помахала рукой.

– Это твоя знакомая? – оживился молодой человек в очках. – Пригласи ее к нам.

Куракин пригласил, причем сделал это лихо – поднявшись на ноги и стремительно переместив ее чашку кофе на свой столик.

– Отлично выглядишь, – одобрил он, когда Серафима уселась рядом с ним. – Познакомься, это мои друзья.

Он стал перечислять имена. Поименованные кивали, а она тут же забывала, как кого зовут. Девушки были недовольны ее появлением, из чего Серафима сделала вывод, что действительно хорошо выглядит. Молодого человека в очках звали Димой. Он оказался бойким и чрезвычайно назойливым. Ухитрился тотчас же всучить ей свою визитку, из которой стало ясно, что он телепродюсер.

Куракин рассказал, что теперь работает на одном из новых каналов и ведет ток-шоу «Силовой метод» и что ему очень пригодилась хорошая спортивная подготовка.

– Можешь посмотреть шоу сегодня вечером, в восемь часов. Я попал в прайм-тайм, а это совсем не хило, скажу я тебе.

Серафима чувствовала себя рядом с Куракиным легко и свободно, памятуя о детской беготне по подъездам и пирожках Антонины Васильевны, которые они тоннами поедали вдвоем. Благодаря этой приятной раскованности ей удалось произвести на друзей Андрея сильное впечатление. Она в меру смеялась, удачно вставила в разговор цитату из своего любимого «Крестного отца» и вообще вела себя именно так, как надо.

Андрей был удивлен тем, что смешная девочка Серафима превратилась в такую интересную и эффектную девушку. После второй чашки кофе он вдруг посмотрел на нее новыми глазами и понял, что в ней есть стиль и задорное обаяние. А уж ее улыбка! Фантастическая улыбка. Когда она была маленькой, даже самые злые бабки возле подъезда от ее улыбки как-то сразу съеживались. Впрочем, взрослая Серафима, как и прежде, не умела пользоваться своей улыбкой и раздавала ее направо и налево.

Когда стильный Дима словно ненароком положил свою длань на маленькую ручку Серафимы, Андрей испытал приступ зверской ревности. Неожиданно он понял, что ему не хочется делить подругу своего детства ни с кем другим. И тем более не хочется отпускать Серафиму просто так, не договорившись о новых встречах.

– Ну, вот что, – сказал он деловито. – Ребята, я отвезу девушку домой. Всем до завтра, пока.

Он вырвал у Серафимы из рук ложечку, которой она ковыряла торт, и потащил за собой на улицу.

– Действительно домой поедет? – спросил он, остановившись возле вытянутой белой машины с тонированными стеклами. – Или, хочешь, пообедаем где-нибудь? И выпьем. То есть ты выпьешь, потому что я за рулем.

– Из меня алкоголик никакой, – честно призналась Серафима. – Но если тебе делать нечего, я могу составить компанию.

– Что значит – делать нечего? Я тебя приглашаю пообедать и пообщаться. Мне, может быть, это приятно.

– Наверное, мне тоже приятно. Но я еще не решила.

Куракин рассмеялся и подмигнул:

– Тогда поехали.

Он отвез Серафиму в небольшой ресторан на Покровке и принялся удивлять ее, заказывая диковинные закуски. Она пила вино и за компанию со старым другом выкурила сигарету. На самом деле, ей было просто приятно вертеть сигарету в руках и любоваться своими новыми ногтями. За все это время Серафиме даже в голову не пришло включить Куракина в свой список потенциальных мужей.

Простились они легко. Наверное, потому что знали, как друг друга найти. Возвратившись домой, Серафима еще довольно долго вертелась перед зеркалом, привыкая к своему новому образу. Да, это здорово она придумала со стратегией номер один! Пожалуй, у нее есть все шансы заарканить если не знакомого делопроизводителя, то уж шофера Володю точно.

Часа через два позвонили в дверь. Потряхивая челкой, Серафима отправилась открывать. Теперь она была «малышкой на миллион» и поэтому активно виляла задом. Это получалось у нее помимо воли, просто потому, что она ощущала себя обновленной и лучезарной.

На пороге стояла Антонина Васильевна. Это была невысокая женщина с плотным пучком на затылке и тревожными глазами.

– Симочка, ко мне Андрей приезжал, – с порога сообщила она. – Он сказал, вы с ним виделись.

– Виделись, виделись, – ответила Серафима, пропуская соседку в квартиру.

– Ой, а ты постриглась как необычно! И маникюр такой яркий... Выглядишь прямо куколкой. То-то Андрей все про тебя спрашивал. Как он тебе показался? Ничего?

– Очень даже ничего, – засмеялась Серафима. – Не парень, а золото. Он, оказывается, у вас теперь телезвезда! А вы мне ничего не говорили.

– Так его передачу только запустили. И наш телевизор ее не показывает, – расстроилась Антонина Васильевна. – Вот я и не знаю, какая он звезда. Андрей обещал «тарелку» купить, на днях привезут.

– Хотите чаю, тетя Тонь? – предложила Серафима, у которой было отличное настроение.

– Хочу, – быстро согласилась соседка.

Она почему-то нервничала и села, сцепив руки в замочек. Серафима принялась сооружать чай, хлопая дверцами навесных полок. Кажется, она даже насвистывала. В детстве ей попадало за это от тетки по первое число. Но теперь она уже выросла и сама себе хозяйка.

– Симочка, я у тебя хотела спросить...

– Что? – Серафима обернулась к своей гостье.

Та молитвенно сложила руки перед собой и с испуганной надеждой произнесла:

– Может, ты Андрюшку замуж возьмешь?

Серафима обалдела.

– Замуж? – переспросила она, широко раскрыв рот на букве «а». Брови ее поползли вверх. Ложка, которой она собиралась зачерпнуть из банки заварку, замерла в воздухе. – Вашего Андрюшку?

– А что? – немедленно вскинулась соседка и зачастила: – Ты же сама сказала, что он не парень, а золото. И зарабатывает хорошо, и перспективы у него на телевидении неплохие...

– Тетя Тонь, – вытаращив глаза, Серафима опустила на табуретку. – Вы же Андрюшку сейчас сватаете! Он что, вас просил?

– Да прям, – отмахнулась соседка и как-то сразу поникла. – Боюсь я, что заморочат ему голову всякие... Видела я его девиц! Что у таких может быть на уме, страшно подумать. Андрюшка ничегошеньки, Симочка, в женщинах не понимает, хоть и пыжится, что он, дескать, их насквозь видит.

Серафима блаженно закрыла глаза. Идея была столь прекрасна и так совпадала с ее собственными намерениями, что захватывало дух. Почему она сама об этом не подумала?! Пол-

дня просидела с Куракиным в ресторане, кокетничала с ним, хохотала, рассказывала о своей жизни, и не сообразила, что он может стать именно тем счастливецом, которому она посвятит всю себя!

– А что, тетя Тонь, хорошая идея, – сообщила Серафима, открыв глаза и весело посмотрев на обомлевшую соседку. – Если, конечно, я смогу сравниться с его девицами.

– Ты вот сейчас шутишь или правду говоришь?

– Правду, тетя Тонь, чистую правду. Я тоже о замужестве мечтаю, мне так хочется кого-нибудь на руках носить! И обнимать крепко-крепко, – призналась Серафима, не сумев справиться с чувствами.

Антонину Васильевну несколько не задело это «кого-нибудь». Вероятно, желание отдать сына в хорошие руки было столь сильным, что она не собиралась обращать внимание на подобные глупости.

– Хотя... Может быть, Андрюшка думает, что я ему не пара? – вслух подумала Серафима. В ее словах была искренность.

Вспомнив чудесно проведенный день, она поняла, что вполне может справиться с ролью супруги телезвезды. Выглядит она теперь на все сто... Да она и раньше очень даже неплохо выглядела!

Мила Громова постоянно удивлялась этой невероятной способности подруги преодолевать комплексы. Если бы ей кто-нибудь сказал, что у нее тощие ноги, это надолго повергло бы ее в пучину страданий. От Серафимы такие вещи отскакивали, словно теннисные мячи от стенки. Она могла взбурлить, как штормовая волна, но потом остывала, и все плохие мысли выветривались из ее головы. Критиковать ее внешность было неинтересно и совершенно бессмысленно.

– Уж какая родилась! – философски отвечала Серафима на любые замечания в свой адрес.

– Родилась нормальная, но юбку могла бы надеть и подлиннее, – бурчала Мила.

– В семьдесят лет мне будет казаться, что сейчас я невыносимо хороша! – отвечала Серафима. – Так что надо пользоваться моментом. И вообще: какая разница, какие у тебя ноги? История показывает, что на самые кривые ноги всегда найдется свой хороший человек.

Сейчас, глядя на оживившуюся соседку, Серафима прикидывала, как все может идеально сложиться. Жить они с Андреем будут тут, а Антонина Васильевна поможет им с внуками. Просто сказка, а не план! Оставалась самая малость – окрутить Куракина, стреножить его и вдохновить идеей замужества.

Ждать Серафима была не намерена. Жизнь без любви – все равно что новогодняя елка без гирлянды. Если уж праздник, то все должно сверкать, мигать и переливаться.

Глава 4

Даша пришла на работу на час раньше, чем положено. С большим чемоданом неопределенного цвета, который казался оригинальным уже потому, что был невозможно древним. Бросались в глаза зловещего вида замки и бурые опрелости на боках. Конечно, в семье имелись и другие чемоданы – не привлекающие внимания, матерчатые конвейерные изделия с широкими застежками-«молниями». Но кто бы ей такой отдал?

– Если бы она выходила замуж, – сказала мама, обращаясь в основном к мужу, – тогда – да. Тогда ей выделили бы полосатый чемодан в качестве приданого. Немецкий, между прочим. А раз она просто сбегает, потому что не хочет жить вместе со всей семьей, пусть забирает то, что семье уже не может пригодиться.

Даша понимала, что измотанная заботами мама сердится потому, что теряет пару рук, которые так помогали ей по хозяйству. И все равно было обидно.

– Я не сбегаяю, – в который уже раз возразила она, надеясь, что выплакала все слезы ночью, и они не польются снова. – И, кстати, что изменилось бы, если бы я выходила замуж?

– Она никогда не выйдет замуж, если все останется по-прежнему, – резко бросил девятнадцатилетний Макс, в сердце которого уже давно зрел бунт против диктата и тирании старших. – Дашка все время хочет спать, даже смешно.

– Макс прав, – неожиданно высказался отец, который из-за внезапно объявленного Дашей решения не поехал на свою конференцию. – Девочка совершенно замотана.

Он стоял возле стола в рабочем костюме и потел, потому что утро выдалось на редкость жарким. Окна распахнули настежь, но прохлады не ощущалось: комната была набита ватной жарой, и даже думать не хотелось, что случится днем, когда солнце, войдя в зенит, атакует город.

– Птенцы должны вылетать из гнезда, когда они уже оперились, – продолжал отец, глядя на старшую дочь с подозрением, словно оценивая: оперилась она или нет.

– Мне двадцать пять лет, – немедленно напомнила Даша. – Мам, ты в двадцать пять лет уже любила папу и родила ребенка!

– Я – это совсем другое дело, – резко бросила мама, запахнув поглубже халат. – Семья была нужна мне, как воздух.

– Почему ты думаешь, что мне она не нужна? – воскликнула Даша. – Я хочу своего мужчину, своих детей!

– Мужчину можно найти и так, дело нехитрое. А детей... Вон их сколько, тебе что, мало?! – мамино возмущение было таким бурным, таким яростным, что маленькая Ньюша не выдержала напряжения и заплакала.

Папа немедленно подхватил ее на руки и прижал к груди.

– Все, баста, – сказал он. – Даша уходит в свободное плавание. Со старым чемоданом. И снова обратился к жене: – Маша, перестань. Мы с тобой такой вариант развития событий уже сто раз обсуждали. Рано или поздно это должно было случиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.